

ПОЭЗИЯ «Мятущейся душе покоя нет...»

ОЛГА НИКИТИНА – член литературного объединения «Магнит», почти четверть века трудилась на Магнитогорском металлургическом комбинате. Ее стихи публиковались в сборнике «В круглу открывений», в газетах «Магнитогорский металл», «Магнитогорский рабочий».

День нынешний – прозрачная волна,
Поток секунд, стекающий с ладони.
Закроет солнце ночь лезена,
И лунный лик слезу свою уронит

На день минувший... Быть ли вальсу звезд
Грядущего, что так надеждой блещет,
Иль заремят оркестры бурь и гроз?
И сердце в ожидании трепещет.

В мятущейся душе покоя нет,
Лишь в чудном сне она приют находит,
Где ты паришь над множеством планет
И путь незримый в мир тебя уводит.

Где много света, счастья и любви,
Что душу приглубит, приласкает...
И солнца луч прославят соловьи,
И новый день ладони раскрывает.

Телефонный звонок

День уснул за облачной грядой...
Голос твой в ночи я услышала:
Он летел полноточной звездой,
Что в траву росинкою упала.

В сон забытый сердце повело,
И слова – невидимые птицы –
Застучали в темное стекло,
Тихо сели на мои ресницы...

И рассвет лучисто-голубой
Засверкал нечаянно новью...
Что же сотворили мы с тобой
С нашей неприкаянной любовью?

Наказали «бедную» любовь
И к столбу рабыней привязали,
А она тревожит душу вновь
В радости, в заботах и печали.

И теперь, куда ни бросишь взгляд,
Видишь ее образ яснотный.
И живет в ней много лет подряд
Дух мятежный, нежный и великий!

Жизнь без любви – лишь сумрачный туннель
И беспросветной ночи полоса.
Не слышишь, как весной звенит капель
И утро бьют птичьих голоса.

Земля встречает алую зарю,
Я вместе с ней стою в преддверьи дня,
Я солнцу в небе: «Здравствуй!» – говорю,
Надежды луч, не оставляй меня

И на руинах прожитых страстей
Позволь еще, хоть раз, сорвать цветок
Ромашки белой, погадать на ней:
Что мне готовит беспощадный рок?

Слово

Не надо пафоса в словах
И жгучих красок,
Высокопарных вздохов: «Ах!»
И лживых масок.

Пусть слово летит, как ручей
В прохладе лета,
Разбудит удаль силачей
Игрою света.

Весенней птахою летит
К забытым вёсям
И в чье-то сердце постучит
Развивом песен.

Созвучье вечности «люблю»
Хоть и не ново,
Подарит парус кораблю...
Да будет Слово!

Голубая звезда

От унылых мелодий тоски
По ступенькам подъезда сбегаю,
Каблуками бужу в уголках
Заремавную тишь.
Как по ребрам спиральной доски,
Дребезжат сулким утром трамваи,
В телефонную трубку шепчу:
«Почему ты молчишь?»

Я иду голубую звезду –
Где летящих звезд остановка?
Столько дней и ночей я иду,
Собираясь в полет,
Чтоб попасть в твои сны –
За наявливостью, право, нелевоко,
Но мне хочется сбросить нелевокости
Тягостный гнет!

Кто за сердце, больное любовью,
Замолчит словечко,
Чтоб оно не теряло
Счастливых минут высоты?
Покатилось по травам увядшим
Куда-то колечко,
И в глазах васильков
Угасают былые мечты...

Где незрячей любви поводья –
Освежая зарница,
Душ усталых свеча интуиции
В дребнях костров?
Если в мыльный пузырь
Голубая звезда превратится,
Потеряемся мы
В миражах забытых веков!

Ворона Дураша

СКАЗКИ КАЗАЧЬЕГО ЯИКА

НЕ ЗА СИНИМ морем-океаном, не за горами высокими, а на земле нашей казачьей жил один старый атаман. Было у него два сына – непутевых и жадных. А третьим в доме рос приемыш, отрок Макар. Жила в хате атамана и невеста откуда прилетевшая говорящая ворона Дураша.

Но разговоривала ласково ворона только с Макарушкой.
– Здравствуй, Макар-Макарушка! Дай мне гороху! – картавила птица-ворона.
– Дам тебе гороху, Дураша, но сначала надобно отворить горох. Шибко он твердый, – отвечал Макарушка.
– Сыру дай мне, Макар! – просила ворона.
– Сыр едят люди богатые, Дураша! – улыбался Макарушка.
– Дай сыру – покажу схорон с динарами, – не унималась птица, хлопая крыльями.
Братья смеялись над Макарушкой.
– Блаженный Макар с вороной беседует. Ворона обещает ему показать, где клад укрыт с червонцами золотыми. Ха-ха-ха!
Иногда братья хлестали нагайкой Макарушку, выгоняли его из хаты вместе с вороной Дурашей. Тогда Макарушка обитался на сеновале. Ворона воровала у соседей куски хлеба, вяленую рыбу и прилетала на сеновал.
– Грызи, Макарушка!
Такова уж доля сиротского. Макарушка был терпелив. Дрова колол, воду носил, сено косил, рожь молотил. И

коней овсом кормил. А ходил оборванцем, в зипуне заплатанном.

Люди корили атамана:
– Пошто сироту обижашь, на растерзание и глумление отдаешь Макарушку сыновьям своим?
– Бог все видит! – отвечал неопределенно атаман.
Так вот и пролетело несколько лет. И настало время старому атаману умирать. Вызвал он к себе сыновей и приемыша Макара. И сказал атаман:
– Раздели я наследство на три неравные части. Каждый из вас выберет для себя лишь одну долю. Но первым будет выбирать часть завещанного Макара, а то ведь обидите сироту.
У братьев лица позеленели, руки затряслись. Мол, что же такое происходит, люди добрые? Чужаку, сироте нищему достанется самая жирная доля!
– Каковы же части наследства? – упали сыновья на колени перед умирающим отцом.
– Первая доля – дом со скарбом и конюшней. Вторая доля – табуны овец и хата на заимке. А третья доля – ворона говорящая, Дураша. Ну, кто желает получить главное богатство – ворону Дурашу?
Взвыли перед атаманом сыновья:
– За что, отец, кара жестокая, несправедливая? Ведь Макар выберет дом со скарбом и конюшню. Или возьмет хату на заимке со стадами овец. А хутор не дешево хоромин со скарбом и конюшней! Вот и достанется одному из нас дурацкая ворона. За что же такая казнь? За какие грехи несчастья?
Атаман молчал, не отвечал сыновьям. Тогда они сцепились между собой.
– Я после Макара первым долю выбираю, значит, тебе ворона достанется! – вопил один.
– Нет! – кричал другой. – Я возьму хутор с овцами, а ты с вороной каркай!

И чуть было не подрались братья, уже рубахи у них по швам затрещали. Но Макарушка успокоил братьев:

– Не шумите зря, не рвите льняные рубахи. Я по праву делаю выбор первым. И выбрал я не хоромы со скарбом и конюшней и не хутор с баранами, а говорящую ворону Дурашу.

А Макарушка разбогател неожиданно. Мол, слава богу, что он блаженный. Ворону ободранную за сокровище принял! На радостях дали они сироте шматок сала, помешка муки ржаной и разрешили поселиться в старой бане. А отца без поминак похоронили – не могли простить ему покусение на их законное богатство.

Но вскоре порушилось состояние братьев. Работать они не умели, а в набеги с казаками ходить боялись. И пришлось им продать хоромы со скарбом и хату на заимке с овцами. Обищали братья, собирали объедки в харчевне, прислуживали еврейку-шинкаро.

А Макарушка разбогател неожиданно. Шел он как-то летом по степи, притомился, на камень присел. А камень большой, округлый, красного цвета. Ворона Дураша в небе резвилась. Но вдруг птица подлетела, каркнула, села на плечо Макарушке:

– Карр! Карр! Под красным камнем динары, Макар!

Отвалил Макарушка камень, а там, в яме, медный сундук с червонцами золотыми, динарами и дукатами. Купил Макарушка лесу корабельного, срубил себе дом добротный, печку изадал. Конюшню во дворе поставил. Завел корову и бычка, пару корей чалых. Братьев-обидчиков Макарушка к себе в подручники взял. Одед и обул их, научил землю пахать, рожь сеять.

А клад Макарушка перепрятал. Но знала об этом только ворона Дураша ☺

«Видеть вещи, какие они есть!»

Когда человек молод, он хочет всего добиться сам

Ловушка

А-а-а... Полу-крик, полу-хрип вырывается наружу. Я опять просыпаюсь в холодном поту. Оглядываюсь. Мягкая тьма наполняет комнату, вытесняя страхи за грань. Она смахивает с меня гримасу только что увиденного кошмара и усыпляет, дуновением ветра нашептывая на ухо, что все хорошо и бояться нечего. Но я знаю, кошмар вернется. Он всегда возвращается. Он только отступает на день, словно стесняясь солнечного света, а может, просто уступая место кошмару дня. Войны, катастрофы, теракты – все это вновь и вновь проносится у меня перед глазами, оставляя годные даты. Я никогда не учил их наизусть. Я рад был бы не знать их. Увы.

Громкий писк прерывает мои мысли. Будильник. Если честно, он не нужен. Я всегда встаю вовремя. Главврач говорит, что по мне можно сверять часы. Медсестры считают просто психом. А выговор за опоздание – недостижимая мечта. Нереально. Одежда, запер квартиру, вышел на улицу. Забор, поворот мимо помойных баков, сосед Витька опять ползет домой на рогах. Нет, я не займу червонец, ты уже и так «хороший». Вовремя слинял, в квартире сверху сейчас начнется скандал. Картонные стены многотажке не оставляют шанса на конфиденциальность. Небо как потолок, низкое и закопченное. С него не достанешь звезду. Нет на нем звезд, только грязные тучи висят как отсыревшая штукатурка. Они даже не пробуют сдвинуться. У них нет шанса, они знают. Их поймал город.

Спешить незачем. Опоздать все равно не получится. Я пробовал, но всегда приходил как раз к началу рабочего дня. Не прийти совсем не выйдет тоже. Можно закрыть глаза и брести в любом направлении, но в нужное время под подошвой ботинка почувствуется все та же отполированная ногами лестница: раз, два, три ступеньки, скрипящая дверь с заедающим доводчиком, регистратура, «здравствуйте, Анастасия Владимировна», противно-синий коридор, дверь третья налево. Каждый день не отличается от остальных. Разнообразие – как у яиц в решетке. Те, у кого не получается мыслить привычками, уже давно это заметили. Они называют этот город «знойной безвременью». Они не правы. Время здесь есть, но оно уже «поношенное», будто протухшее. Родители передают его детям как одежду, и дети проживают их жизнь, donating судьбы. Но и у времени есть срок годности. Люди сходят с ума, и город все больше воюет загнивающим временем. Это город одного года. Потом что-то шелкает, и все снова идет по кругу. Вылезет молодая листва по весне и закоптится в течение недели, сирень рискнет нарушить серое однообразие, но не раскрасит и трети бутон, послушно засохнет. Потом пыльное лето сменится мазуно-мерзкой осенью, первый снег выпадет сразу в смеси с шлаком, серный ветер снова будет играть мусорным мешком, застрявшим в голых ветвях высохшего дерева... Белый халат пахнет снегом. Надо

познакомиться с новой прачкой. При прошлой пахло хлоркой. Подхожу к окну, смахиваю стальную пыль с подоконника. К стеклу ветром прикило мокрый лист. Он просится зайти. А я – выйти. Сейчас начнется прием, и все те же лица будут придумывать полнейшую чушь, лишь бы получить страховку или отгул на пару дней. Все заискивающие заглядывают в мои глаза, а сами думают: «Молодой, неопытный, может, поверит». Я знаю, чего они хотят. Я чувствую ложь на запахах. Но я все равно пишу им справки. Мне никогда не нравился этот город. Но я не могу уйти.

Рабочий день проскользнул мимо, не желая быть замеченным. В принципе,

Картонные стены многотажке не оставляют шанса на конфиденциальность

ужасно. Мой день свихнулся, когда увидел, как семилетняя девочка попала во временную аномалию и за четыре секунды постарела на сорок лет! Бывает... Отец хотел, чтобы я был лучше. Чтобы я вырвался отсюда, вдохнул настоящей жизни. Твердил: «Сумей увидеть вещи такими, какие они есть, а не такими, как пытаются их тебе показать». Я пропустил его слова мимо ушей. Был молод, глуп, хотел всего добиться сам. А ведь мог не допустить хотя бы его ошибок, сразу бы начал со своих. Я научился многому, но какой ценой... Время, время, его посто-

против? Снова иду домой. Прячусь в человеческом потоке, как в глухом лесу. Это просто, надо только надеть соответствующее остальным выражение лица. Люди, как заводные болванчики, бредут по пыльным улицам, глаза пусты, рты приоткрыты, пол-литровая анестезия почти в каждой руке. Чтобы стать среди них человеком-невидимкой, пиво не обязательно, а вот без ощущения резиновой маски на лице – не обойтись. Раз, два, три... Зачем я это делаю? Так проще. Иначе организм общества слишком активно исторгает инородное тело, опять придется делать то, что завтра попросят вылечить. Зомби мои дорогие... Они никогда не поймут, насколько все

ужасно. Мой день свихнулся, когда увидел, как семилетняя девочка попала во временную аномалию и за четыре секунды постарела на сорок лет! Бывает... Отец хотел, чтобы я был лучше. Чтобы я вырвался отсюда, вдохнул настоящей жизни. Твердил: «Сумей увидеть вещи такими, какие они есть, а не такими, как пытаются их тебе показать». Я пропустил его слова мимо ушей. Был молод, глуп, хотел всего добиться сам. А ведь мог не допустить хотя бы его ошибок, сразу бы начал со своих. Я научился многому, но какой ценой... Время, время, его посто-

яно не хватает. Не того, что похоже на бзушную туалетную бумагу, а настоящего, свежего. Но я все догнать.

Пришел домой. Есть не хотелось, потому сразу лег спать. Не нужно составлять планов на завтрашний день. Завтра все повторится. Но я найду способ выбраться отсюда... Щелк.

А-а-а... Полу-крик, полу-хрип вырывается наружу. Я опять просыпаюсь в холодном поту.

Женщина ела хурму...

Ей было восемь лет. Она никогда не видела своей родины. Даже не знала – где появилась на свет. Родители? Ее забрали от них в таком раннем детстве, что даже неизвестно, на кого больше похожа: на маму или на папу... Сколько она себя помнила, всегда хотелось есть. Капусты, хлеба, каша – все это доставалось периодически. Но постоянно хотелось фруктов: грушу, хурму, дыню... Иногда у кого-нибудь падал кусочек, она находила его. Это было счастье. Неважно, грязный он или нет, в шкурке или огрызок...

Она не умела просить. Может быть, протяни руку за подающим, кто бы и дал. Но она не могла. Что-то в душе поднималось волной, подкатывало комком к горлу, и опять ничего не получалось...

Женщина ела хурму. Большой рыжий шар, казалось, сгреб в себя все солнце, которое светило беспричинно ярко, и сам начал светиться изнутри. А она смотрела и не могла отвести глаз – это неприлично, конечно. Но плод держал взгляд тисками, отвернуть голову – все равно, что столкнуться Землю на всю орбиту. Огромные глаза занимали почти все место на крошечном лице. Они не просили ничего. Просто провожали плод как уходящий поезд на перроне. Поезд, идущий домой, последний шанс вернуться. Где-то там, на той неизведанной земле, есть мама. Она может поглядеть ласково по голове и все понять. А потом пригласит огромную охапку всех этих вкусных диковин и радоваться, глядя, как ест дочка.

Она втягивала воздух ноздрями, стараясь вобрать как можно больше этого запаха. Кто сказал, что хурма не пахнет? А если очень-очень хочется? Женщина села на корточки и внимательно посмотрела в карие глаза. А встретила прямой спокойный взгляд, полный достоинства и силы. Спину прямо, не надо казаться слабой перед людьми. Пусть не думают, что она подбирается. Но женщина, ничего не говоря, протянула ей мечту. Рыжий кусочек солнца... И она взяла, все еще пытаясь сохранить лицо, только руки тряслись и выдавали ее с головой. Зубы вошли в мякоть, сок ручейками тек по губам, а она не могла отвести взгляда от человека, подарившего счастье. Женщина, поковавшись в сумке, достала еще одну хурму и, поклав головой, протянула ей. Взяв и эту, нежно прижала плод к груди. Эта женщина... может, она знает, где ее дом? Где мама? Но женщина встала и пошла прочь...

Обезьяна смотрела ей вслед все еще полными надежды глазами, и слезы предательски текли по щекам... ☺

СЕМЕН БОЛОТНИКОВ

Адрес редакции:
455038, г. Магнитогорск,
пр. Ленина, 124/1,
тел. (3519) 35-95-66,
отдел рекламы: 35-65-53.

Учредитель – открытое акционерное общество «Магнитогорский металлургический комбинат» (455002, г. Магнитогорск, ул. Кирова, 93).

Газета зарегистрирована в управлении Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Челябинской области. ПИ № ТУ 74-00052 от 29 августа 2008 г.

Главный редактор
ФРОЛОВ О. В.

Выпускающий редактор
РУХМАЛЕВ С. А.

При воспроизведении материалов «ММ» в печатном, электронном или ином виде ссылка на «Магнитогорский металл» обязательна. Ответственность за программу телевидения, прогноз погоды редакция не несет. За достоверность фактов и сведений ответственность несут авторы публикаций и рекламодатели. Авторы публикаций выражают исключительно собственную точку зрения, которая может не совпадать с мнением редакции, издателя и учредителя. Письма и рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Подписано в печать 13.12.2010 по графику в 19.00, фактически в 18.45. Заказ № 5361. Тираж 75603. Объем 4 печатных листа. Печать офсетная. Подписной индекс 24106. Опечатано ЗАО «Магнитогорский Дом печати» (455000, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69).

Тираж сертифицирован Национальной тиражной службой.